

**Борис Коников
Галина Севостьянова**

Мастер, очарованный айнами

Ожидание прибытия лодки с японцами. Не ранее 1862. Бумага, тушь, акварель. 24 x 41.

В 1984 г. известный петербургский коллекционер академик Евгений Михайлович Лавренко (1900–1987) передал нашему музею свыше 3200 произведений, в том числе памятники буддийского искусства, китайскую и японскую графику. Через два года в музей поступило из этой же коллекции 12 произведений неизвестного японского художника. Эти яркие и самобытные работы имели явно выраженный этнографический характер: здесь были сцены охоты, рыбной ловли, многочисленные изображения ритуальных действий, жанровые ситуации, характерные для культуры древнейшего народа Японии – айнов.

Айны, некогда населявшие всю центральную и северную часть Страны восходящего солнца, в результате колониальной политики японцев в течение нескольких веков были вытеснены на остров Хоккайдо и к середине 19 в. стали представлять собой лишь остаточное население численностью 15–20 тыс. чел. Примерно столько же их и сегодня, но сильно японизированных. Материальная культура и язык айнов не имеют прямых аналогий у народов восточного региона и являются до настоящего времени предметом пристального внимания учёных всего мира. «Уходит в прошлое культура айнов, – пишут исследователи этого народа С.А. Арутюнов и В.Г. Щебенков. – Остаётся айнская историческая проблема – их происхождение и древняя история». Бородатость и «волосатость» айнов ранее давали повод считать их родственниками европеоидов, но ныне ясно, что это просто архаические, восходящие ко времени палеолита признаки.

Вернёмся к произведениям, поступившим в Омский музей. Стилистическое единство художественных средств и композиционных приёмов работ было очевидно. Серия была выполнена одним мастером. Подтверждением тому явились и печати прямоугольной формы с иероглифами, нанесёнными красной тушью на всех произведениях. Владельческие записи, которые, как правило, оставлял коллекционер на обороте произведений, отсутствовали.

Уже с первого взгляда стало ясно, что перед нами материал раритетный. Памятники изобразительного искусства данной тематики в России практически неизвестны, в чём мы убедились довольно скоро, проведя консультации со

Борис Александрович Коников – кандидат исторических наук, директор Омского музея изобразительных искусств им. М.А. Врубеля.

Галина Андреевна Севостьянова – кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Омского музея изобразительных искусств им. М.А. Врубеля.

Личные печати Бёзана Хирасавы и резчика печати.

специалистами по японской культуре из Эрмитажа и Музея Востока. Аналогий в российских музеях тоже не оказалось. Этот факт, безусловно, повлиял на процесс атрибуционной работы, оказавшийся длительным и сложным. Только в 2000 г. мы подошли к результатам, позволяющим говорить об успешном её завершении.

Первое же знакомство с серией выдвинуло ряд

традиционных вопросов: автор, датировка произведений, техника исполнения, расшифровка сюжетов. Сначала было необходимо поставить экспонаты на постоянный учёт. Известно, что заполнение инвентарной карточки требует точной фиксации основных параметров произведения. Однако даже определение техники вызвало немалые затруднения. Основание для датировки серии второй половиной 19 в. давали краски, в частности, прусская синяя: известно, что синтетические красители получили распространение в японском изобразительном искусстве только в середине 19 в. Сюжеты произведений, обозначенные в инвентарной карточке, также определялись предварительно, на основании визуального прочтения изобразительного текста.

Работа с экспонатами обозначила многие проблемы изучения коллекции. Наиболее актуальная из них – идентификация сюжетов. Обращение к этнографическим работам, посвящённым истории и бытовой культуре айнов, позволило уточнить сюжеты некоторых произведений: «Прививка от оспы», «Казнь», «Охота на медведя». Кроме того, удалось обнаружить воспроизведение рисунка из коллекции Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Санкт-Петербург), аналогичного композиции из омской коллекции. Именно эта репродукция дала возможность продолжить поиски материала в нужном направлении.

Изучение изобразительной основы «айнской» серии невозможно вне исторического, этнографического и культурологического контекста. Определив метод исследования как комплексный, включающий интерпретацию сюжета произведений на основе этнографических сведений, религиозных и мифологических воззрений, культовых обрядов, мы сосредоточили главное внимание на вопросах изучения материальной культуры айнов. Данные вопросы подробно разработаны в немногочисленных трудах отечественных «айноведов». Памятники айнской культуры: одежда, орнамент, оружие, предметы домашней утвари и интерьера – позволили нам в полной мере идентифицировать

Тапкал. Не ранее 1862. Бумага, тушь, акварель. 20,5 x 32,7.

Ловля рыбы с факелом и мареком. Не ранее 1862. Бумага, тушь, акварель. 24 x 40,8.

изображённый художником предметный мир. И всё-таки полученные сведения не давали возможности полного прочтения сюжетов произведений. Оставалось неизвестным и имя автора серии.

Следующий этап атрибуционной работы – консултации с сотрудниками Росийского этнографического музея в Петербурге, в частности, с И.А. Карапетовой. Нам порекомендовали связаться с группой японских учёных, работавших в России по программе «Сохранение культурного наследия айнов». Синко Огихара – профессор университета Тиба, руководитель этой программы, по телефону связалась с Омским музеем и выразила желание заняться нашим материалом.

Мы отправили фотоматериал в университет и некоторое время спустя получили заключение японских специалистов, из которого узнали, что в музее хранятся лучшие «айнские» картины Бёзана Хирасава.

Летом 2000 г. состоялась встреча с японскими специалистами. Их группа была весьма представительной – учёные из университета города Тиба, специалисты из Токийского Национального музея и Центра по изучению культуры айнов (о. Хоккайдо). Три дня работы с коллекцией принесли неожиданные результаты: была обнаружена работа с датировкой 1868 г. (впервые), выявлена авторская подпись (ранее встречалась только личная печать Хирасава), а также идентифицированы сюжеты, ранее неизвестные специалистам по памятникам изобразительного искусства: «Омуся» (подношение подарков по окончании сезонных работ), «Охота на медведя», «Ловля трубача в Хи-роо»¹. Не менее интересен факт, впервые зарегистрированные японскими учёными: некоторые произведения были выполнены на бумаге европейского происхождения с водяными знаками и датой изготовления – 1862 г. Справочник по филиграммам подсказал, что художник создавал композиции на бумаге голландского производства.

¹ Трубачи – семейство морских моллюсков, крупные раковины которых в древности использовались как сигнальные трубы. (Прим. ред.)

Работы Бёзана Хирасава были определены как уникальные, выполненные акварелью по подготовительному рисунку тушью. В технике ксилографии на рисунках исполнены только печати: автора произведения и мастера – резчика печати. На основании прочитанных на бумаге водяных знаков датировка серии была принята условно – не ранее 1862 года.

Сведения о художнике, полученные нами от Сааки Тосикадзу – автора научных каталогов «Айны в картинах Бёзана Хирасава» (1999) и «Произведения Бёзана Хирасава в Токийском Национальном музее» (2000), содержали множество интересных сведений о судьбе художника и его работе над картинами об айнах. Имя художника на родине открыли сравнительно недавно. Его творчество привлекло как учёных-этнографов, так и специалистов в области изобразительного искусства. Свидетельством тому является тот факт, что в последнее десятилетие работы Хирасава упорно разыскиваются не только в Япо-

нии, но и по всему миру. Согласно каталогу 2000 г., известно всего восемь композиций художника: четыре из них находятся в Токийском Национальном музее, остальные в Лондоне (Музей Виктории и Альберта), Эдинбурге и в США, в штате Массачусетс. Омская коллекция стала сенсацией как по широте материала, так и по информации, заложенной в произведениях. Она в значительной мере рас-

ширила представление о творчестве художника и его работе над серией «История и обычаи айнов».

Однако в творческой биографии мастера ещё много «белых пятен», которые, возможно, раскроются благодаря дальнейшему изучению его художественного наследия. Некоторый фактический материал, опубликованный в статьях к упомянутым каталогам, мы используем для того, чтобы познакомить читателей с автором акварелей.

Бёзан Хирасава Эмая (1822, Осака – 1878, Хакодате) происходил из состоятельной, но уже при отце Хирасава обедневшей семьи. Он рано лишился родителей и, по всей вероятности, еще маленьким мальчиком начал зарабатывать на жизнь рисуя *эмы* – дощечки с картинками для записи просьб прихожан храма к его божеству. Это послужило в дальнейшем основанием для прозвища художника – «Эмая», т.е. изготовитель вотивных табличек «Эма».

Известно также время работы мастера на острове Хоккайдо в городе Хакодате: с 1850 по 1876 г. Бёзан жил среди айнов и в своей художественной практике использовал свой опыт общения с этим народом. Сколько картин создал мастер – неизвестно, но рисовал он, по мнению специалистов, «качественные работы, благодаря своей наблюдательности и таланту». Современники называли Бёзана «человеком не от мира сего». Он был неравнодушен к вину и потому часто терпел насмешки и издевательства соседей, но никогда не обижался. Художник много работал, некоторые сюжеты совершенствовал годами.

Бёзан имел богатого и влиятельного покровителя, дружба с которым позволяла художнику путешествовать. Он побывал в Токачи, на юго-востоке Хоккайдо, и в других местах, заселённых айнами. Картины Хирасава пользовались большим спросом у иностранцев, которые, по всей вероятности, снабжали его европейскими красками и бумагой.

Подробные наблюдения Бёзана делают его картины об айнах по-настоящему ценными не только потому, что он скрупулёзно точно выписывал внешность своих героев и детали быта, но и сумел передать, говоря словами Сааки Тосикадзу, «в ярких красках дух древнего народа, его обычаи и культуру».

Ловля трубача в Хиросо. Не ранее 1862. Бумага, тушь, акварель. 24,2 x 40,7.

Охота на оленя. Не ранее 1862. Бумага, тушь, акварель 24 x 41.

Документы, дошедшие до нас, не сохранили имён учителей Хирасава. Однако на основании анализа работ художника можно предположить, что он был хорошо знаком с творчеством столичных мастеров гравюры *укиё-э*, в частности, Хокусая и Хиросигэ, активно реагировал на новые веяния художественной жизни Японии, связанные с европейским влиянием. Об этом говорят организация пространства в композиции, необычные для классического искусства Японии цветовые ритмические акценты. Художник часто нарушает сложившуюся традицию, используя законы перспективы, принцип монтажной компоновки рисунка, сочетание первого крупного плана и панорамной трактовки пейзажа. Неожиданные ракурсы и композиционные срезы также свидетельствуют о европейском влиянии на творческую манеру художника.

Исследователь «айнских» картин Сасаки Тосикадзу обращает внимание на пейзаж, который является важнейшим компонентом почти всех омских акварелей. По его мнению, пейзаж не отражает характер конкретной местности. Это собирательный образ природы или отдельные элементы ландшафта, когда-то поразившие воображение Хирасава. Использовал художник и натурные зарисовки, о чем свидетельствует картина «Ловля трубача в Хироо». Японские ученые точно указали, что на акварели виден силуэт горы Хироо (юг Хоккайдо).

Сравнивая работы из европейских и американских музеев с теми, что хранятся на родине художника, Тосикадзу пришёл к выводу, что «айнские» картины, предназначенные для продажи иностранцам, отличаются более ярким колоритом. Для получения декоративного эффекта мастер использовал чернила, содержащие много клея, чтобы имитировать текстуру лакового покрытия, и добавлял в акварель тушь для прорисовки лиц и складок одежды.

Оригинальный талант художника, впитавший японскую и европейскую традиции, позволил ему создать стилистически цельную серию акварелей. Они доносят до нас выразительные детали ушедшего в прошлое мира, культуры айнов, что повышает не только их художественную, но и этнографическую ценность. Серия акварелей

Бёзана Хирасава, получившая название «История и обычаи айнов», дает возможность ввести в научный оборот материал, посвященный одному из самых загадочных народов Земли. Благодаря информации, заложенной в изобразительный текст, учёные расширили круг источников изучения культуры айнов. В настоящее время японские ученые готовят к изданию каталог, в котором будут представлены произведения Бёзана Хирасава, хранящиеся в Омском музее изобразительных искусств им. М.А. Врубеля.

**Сергей
Арутюнов**

Картины давно минувшего

Акварели Бёзана Хирасавы, представленные Омским музеем изобразительных искусств на страницах журнала, запечатлели айнский быт середины 19 в., когда ещё в полноте сохранились айнская самобытная культура и образ жизни, а взаимоотношения айнского населения острова Хоккайдо и японских колонизаторов – промышленников и чиновников – оставались такими, какими они сложились в 16–18 вв.

С 1880-х гг. началась интенсивная агропромышленная колонизация Хоккайдо японскими переселенцами, и быт айнов и их взаимоотношения с японцами претерпели существенные изменения. Любопытно, что на картинах Хирасавы мы не видим айнских традиционных домов и посёлков. Он рисует либо интерьер больших японских официальных зданий – фактории или таможни, либо общий вид издали небольших портовых и рыбопромышленных посёлков с домами-бараками скорее японской, нежели айнской постройки. Однако жили в этих посёлках в то время не столько японцы, сколько эксплуатировавшиеся ими айны: рыбаки, лесорубы, подсобные рабочие.

На картинах айны в их традиционной повседневной одежде – халатах, чаще всего из домотканного кремово-беловатого полотна из волокон крапивы, с каймой и аппликациями из сине-белой хлопчатобумажной набойки. Мужчины с пышными шевелюрами и широкой сине-чёрной татуировкой вокруг губ (этот обычай к концу 19 в. вышел из употребления). У детей головы бритые, но на лбу и на макушке оставлены чубчики. Айны обычно сидят на характерных для них узорчатых циновках собственного изготовления (японские циновки одноцветные). Они босые, но на ногах у них нередко надеты тканевые гетры или ноговицы. Обувь можно увидеть только в зимних сценах на снегу.

На картине под названием «Тапкал» (слово мне неизвестно), судя по обстановке и числу участников, изображён сельский праздник. Мужчины, женщины и даже дети водят хоровод под руководством запевалы-распорядителя (в центре в чёрном халате). Этот обычай общий для айнов и многих народов Сибири (японские массовые танцы организуются иначе). На циновках расставлена привозная лакированная посуда, чаны со свежей рисовой или просяной брагой (яп. *сакэ*, айн. *томото*) и бокалы, из которых брагу будут пить. На бокалы положены резные палочки *икунись*. При питье сакэ мужчины приподнимали этими палочками свои пышные усы, чтобы не замочить их. Но *икунись* играли и религиозно-магическую роль освящения подобных праздничных возлияний, защиты уст от вредоносных сил (у женщин эту функцию выполняла татуировка). Все *икунись* снабжались родовыми тамгами *экась-этохта*, многие из них являются шедеврами художественно-орнаментальной резьбы по дереву.

Сергей Александрович
Арутюнов –
член-корреспондент РАН,
заведующий Отделом
народов Кавказа Института
этнологии и антропологии
РАН.

Охота на медведя. Не ранее 1862. Бумага, тушь, акварель. 24,2 x 42.

Айны сеяли в небольших количествах просо, а рис и соевые продукты приобретали у японских торговцев в обмен на рыбу, шкуры пушных зверей, продукты лесного собирательства (лекарственные растения и др.). Однако основой их жизни была рыба – проходная лососёвая (кета, горбуша), прибрежная морская (сельдевая). Сельди было так много, что вплоть до Второй мировой войны её улов перерабатывался не столько в пищевые продукты, сколько в удобри-тельные туки. Рисунок «Ночная ловля

рыбы с факелом и мареком» как раз изображает добычу лосося. Айнская острога *марек*, аналогичная нивхской и нанайской, имела поворотный крюк, обеспечивавший надёжный захват крупной рыбы.

Моллюсков и прочие дары моря айны добывали не столько для себя, сколько на продажу японским промышленникам. На акварели «Ловля трубача в Хироо» художник показывает айнов, добывающих на мелководье вильчатой острогой крупного съедобного моллюска. На берегу виден сезонный посё-

Охота на медведя, который задрал потерявшуюся лошадь. Не ранее 1862. Бумага, тушь, акварель 24,3 x 40,8.

лок промышленников: жилые дома, склады и сушилка для вяления ежедневного улова.

На втором месте после рыбной ловли в хозяйстве айнов стояла охота. Основным её объектом был японский олень – *сика*. Сцену загонной охоты на оленя с собаками мы видим на рисунке «Охота на оленя». На переднем плане охотники жарят мясо на костре, куски мяса лежат рядом на разостланной шкуре.

Дальневосточный чёрный медведь *кума* добывался айнами не столько в жизнеобеспечивающих, сколько в ритуальных целях. Вот группа охотников выволакивает из берлоги тушу убитой медведицы («Охота на медведя»). Её разбудили и разъярили, растолкав жердями, которые валяются рядом,

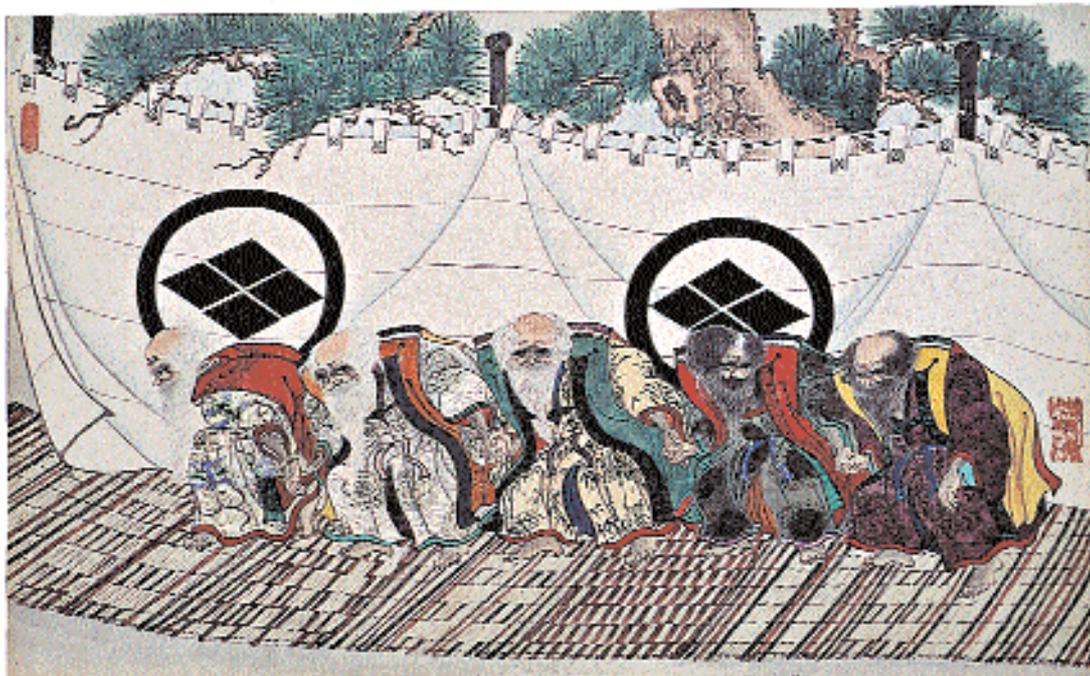

Медвежий праздник. Не ранее 1862. Бумага, тушь, акварель. 24,2 x 40,7.

а когда она полезла из берлоги, расстреляли из луков. Однако главный трофей этой охоты – маленький медвежонок, что на руках у сидящего охотника. Его отнесут в посёлок, поселят в бревенчатой клетке, женщины будут вскармливать его сначала грудью, потом рыбой и другой «человеческой» едой, а через три года, когда он подрастёт, торжественно и с извинениями принесут в жертву. Мясо съедят, кости с почестями захоронят, а душу отправят с приветственным посланием к горным духам – «хозяевам» всех промысловых зверей.

Этот ритуал также привлёк внимание художника («Медвежий праздник»). Убитый медведь лежит в центре, в чашах налито сакэ (на чашах непременно икунись), перед медведем на подносе отборные закуски. Потом тушу медведя унесут, разделают, мясо сварят, пока старшие мужчины будут пить сакэ и петь песни в его честь. Хозяин дома, где воспитывался медведь, выставил напоказ все свои сокровища, чтобы похвастаться перед гостями: гербовые японские кимоно, узорчатые ткани, японские мечи (впрочем, для продажи айнам их нарочно делали из низкокачественного железа).

Уимаму. Не ранее 1862. Бумага, тушь, акварель. 20,3 x 32,5.

Если же медведь начинал разбойничать, его могли убить и без ритуальных оснований. Однако и ему будут устроены не менее торжественные проводы («Охота на медведя, задравшего лошадь»).

Как любые колонизаторы, японцы обращались с коренным населением Хоккайдо грубо и высокомерно, эксплуатировали айнов на рыбных промыслах, скупали меха и продукты лесного собирательства за бесценок, а японские товары продавали втридорога. Японских чиновников айны обязаны были встречать униженными поклонами и выполнять все их требования. Сюжеты на эту тему есть и в представленной коллекции. На картине «Ожидание прибытия лодки с японцами» видны вулканы (скорее всего островов Курильской гряды), на дальнем берегу пролива – посёлок при японской фактории и пара японских парусных кораблей. К ближнему берегу спешит айнская вёсельная лодка, в которой расположился японский чиновник в конической шляпе. На переднем плане сигнальный костёр и группа айнов, пришедших встречать чиновника. Они препроводят его в посёлок, где местные старейшины собрались для изъявления ему покорности и преданности. Сам ритуал этой встречи мы видим на рисунке «Уимаму», где старейшины нескольких посёлков приседают и кланяются на фоне специально повешенного занавеса с княжескими гербами. По случаю столь важной встречи старейшины облачались в халаты из дорогих узорчатых японских тканей. Правда, в самой Японии из таких тканей шили только женские халаты, а никак не мужские. Следующий сюжет («Омуся») – ответный визит старейшин в факторию. Высокопоставленный чиновник, сидящий на красной подстилке, обращается к ним с речью. Чиновник низшего ранга сидит на дощатом полу без подстилки и ведёт протокол. Прислужники наливают сакэ из чана и выдают старейшинам «подарки»: связки крупнолиствого табака и небольшие отрезки тканей.

Впрочем, в то время, когда творил Хирасава, приближался уже век просвещённых перемен, и японские власти начали проявлять некоторую заботу о благополучии своих туземных подданных. Например, мы видим, как под наблюдением трёх чиновников, сидящих на возвы-

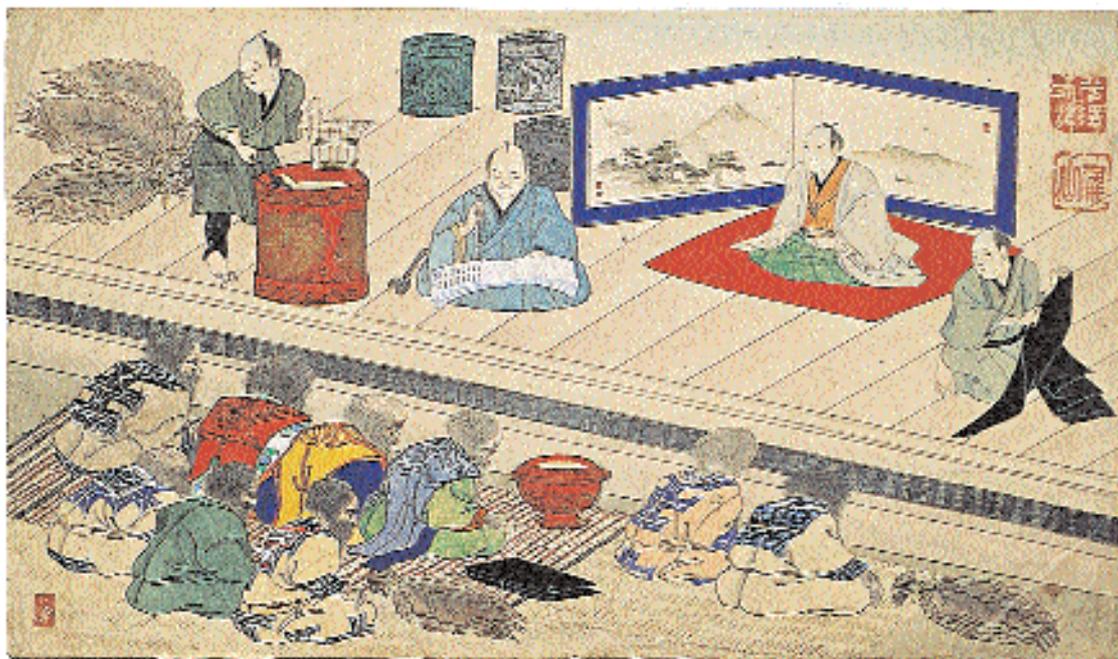
Казнь. Не ранее 1862. Бумага, тушь, акварель. 20,4 x 32,5.

Картина «Казнь» к айнам отношения не имеет, их нет среди присутствующих. Дело происходит не на Хоккайдо, а на Хонсю, что видно по типу сосны на переднем плане, в дворцовом или храмовом парке на квадратной площадке, обсаженной вековыми соснами. Слева мы видим большую, выше человеческого роста, каменную статую Будды.

шени в здании фактории, несколько фельдшеров на закапанном кровью дощатом полу проводят вакцинацию («Прививка от оспы»). Провакцинированные греются вокруг открытого очага с кипящим чайником, а толпа детишек и подростков со страхом ожидает своей очереди.

Со времени создания этой серии картин прошло почти полтора столетия. Современный остров Хоккайдо – это достаточно развитая промышленно-аграрная часть Японии. Айны составляют сегодня тысячные доли от всего населения Хоккайдо. Но айнские деревни существуют, хотя все они имеют смешанный национальный состав. Некоторые айны переселились в города и работают там на стройках, в автотранспорте, в торговле. Те, кто остались в деревнях, частично заняты в земледелии, скотоводстве, коневодстве. Практически все айнские деревни учтены как туристические достопримечательности.

Омуса. Не ранее 1862. Бумага, тушь, акварель. 24,2 x 39,8.

Прививка от оспы. 1868. Бумага, тушь, акварель. 20,4 x 32,4.

Повседневный быт современных айнов почти не отличается от японского: такие же дома, такая же одежда, такая же утварь и обстановка. В гостиной можно увидеть японский буддийский алтарь, но в задней комнате дома бывает традиционный айнский алтарь с культовыми предметами: струженными палочками *инау*, изображениями змей, рыб, сов и медведей. Духи этих животных особенно почитаются в племенных айнских верованиях. Многие сельские жители прекрасно режут по дереву, и такие же изображения и более сложные композиции заполняют и маленькие частные сельские музеи и сувенирные лавочки. При музеях есть участки, где стоят построенные по старинным образцам айнские дома, амбары и медвежьи клетки, но в них уже не живут ни люди, ни медведи. Последний медвежий праздник отпраздновали лет двадцать тому назад, достав для этой цели из дедушкиных сундуков старинные халаты и посуду, но это был не настоящий праздник, а лишь его инсценировка для съёмок документального фильма. Другие, более простые традиционные праздники проводятся во многих деревнях и сегодня, но в основном как средство привлечения и развлечения туристов. Даже айнский язык помнят лишь немногие, большинство говорит только по-японски.

Но тем не менее айнское самосознание, ощущение необходимости сохранять свою культуру, хотя бы в такой музейно-туристической форме, остаётся.

Репродукции акварелей Б. Хирасавы, предоставленные Омским музеем изобразительных искусств, публикуются впервые.

Аругунов С.А., Щебенков В.Г. Древнейший народ Японии: Судьбы племени айнов. М., 1992. РГБ: 1 93-3 64;65.

Спеваковский А.Б. Духи, оборотни, демоны и божества айнов. М., 1988. РГБ: 88-40 471;472.

Таксами Ч.М., Косарев В.Д. Кто вы, айны? М., 1990. РГБ: 90-38 13;14. Byozan Hirasawa and Ainu Paintings // Tokachi Ainu Saitama Prefectural Museum, 1999.

Sasaki Toshikazu. Two Discovered Paintings by Hirasawa Byozan // The Bimonthly Magazine of the Tokyo National Museum. № 566, June 2000.